

А. Вербицкая

Ключи счастья

Книга 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Вербицкая**
Ключи счастья: Книга 5 / А. Вербицкая – М.: Книга по Требованию, 2017. –
216 с.

ISBN 978-5-517-98550-7

ISBN 978-5-517-98550-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стинктъ... Дебютъ Нильса былъ сплошнымъ триумфомъ. Обычное брѣзжанье критики и ея постоянное „но“ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ такихъ овацій прошло для публики незамѣченнымъ. Читали только то, что отвѣчало настроенію массъ; вѣрили только тому, что видѣли сами или что слышали отъ очевидцевъ. Забѣгали и заговорили балетоманы,—не только сторонники классическаго балета, не только поклонники „босоножья“, какъ глумился Фельдманъ въ своей уличной газетѣ. Больше всѣхъ волновались тѣ, кто сами, какъ Гаральдъ, Неждановъ, Самойловъ и Шпильманъ, искали новыхъ тропинокъ для искусства вдали отъ „Большой дороги“, и требовали простора художнику, скованному традиціей. Нильсъ съ его темпераментомъ и талантомъ былъ самъ воплощеннымъ дерзновеніемъ, о которомъ мечталъ Гаральдъ.

Когда кончился спектакль, директоръ Евтихѣевъ пригласилъ въ ресторанъ *Медведь* на ужинъ всю труппу. Пили шампанское. Чествовали Нильса. Рядомъ съ нимъ сидѣла маленькая блѣдная женщина съ печальными глазами, съ твердо сжатымъ ртомъ и упорнымъ, красивымъ подбородкомъ. Она была богато одѣта, и въ ея ухахъ горѣли настоящіе брилліанты.

— Неужто онъ ее любитъ?—шепнула Дуничка подругамъ.

— Такое ничтожество!—подхватила Тинская.

— Просто ошибка молодости,—рѣшила Полли. И дерзко подмигнула Лихачеву. Онъ отвѣтилъ откровенной улыбкой.

Въ этотъ вечеръ онъ со всей труппой пилъ на брудершафтъ и цѣловался съ женщинами.

Шпильманъ въ блестящей рѣчи благодарилъ Нильса. Будущее *Студии* обезпечено теперь. Публика признала ихъ. Пресса еще борется за старое. Но побѣда недалека.

Начались репетиціи *Сказки*.

Marion еще не пріѣзжала тогда. Штейнбахъ писалъ, что ей понадобятся только двѣ недѣли работы съ ежедневными репетиціями. Теперь „натаскивали“ кордебалетъ. И тутъ Нильсъ разглядѣлъ, что Дуничка Коровина очень эффектна въ маленькой роли гетеры, а рыжая Полли положительно талантлива въ пляскѣ вакханокъ. То же находили режиссеръ Шпильманъ и балетмейстеръ Самойловъ. И этого было вполне достаточно, чтобы обѣ женщины стали любовницами Нильса. Эта связь длилась не болѣе недѣли. Но репутация Нильса въ артистическомъ мірѣ опредѣлилась развѣ навсегда... Устояла одна добродѣтельная Тинская. Нильсъ не прощаль ей этого и считалъ ее дурой. Но и Тинская позволяла цѣ-

ловать себя въ полумракѣ кулисъ. Ей льстили небрежный флиртъ знаменитаго артиста.

— Орель!—смѣялся Самоиловъ. А помощникъ режиссера, бывший провинціальный артистъ Ветлугинъ, съ комической миной потирая руки, возражалъ:

— Пѣтухъ-съ, Николай Яковлевичъ, настоящій бойцовый пѣтухъ! Вонъ какой гаремчикъ завелъ себѣ здѣсь! А курочки мирно уживаются, какъ курочкамъ и подобаеть...

Теперь Самоиловъ по пятамъ ходилъ за Нильсомъ и глядѣлъ ему въ глаза, какъ влюбленная женщина. Своему другу Шпильману онъ говорилъ: „Въ XVIII столѣтіи на всю Европу прославилъя де-Вестрисъ своими кабріолями и пируэтами. Но туго пришлось бы ему теперь, при такихъ высокихъ требованіяхъ къ балету. Надо быть первокласснымъ художникомъ, чтобы выдвинуться какъ Нильсъ“.

Популярность Лихачева и здѣсь, какъ всюду и всегда, создали женщины. Но онѣ въ балетѣ не цѣнили стараго и не жаждали новаго. Непосредственно дѣйствовала на нихъ красота Нильса на сценѣ и его артистическій темпераментъ. У кассы театра были форменныя сраженія. Дѣвицы, доставшія билетъ, бѣжали по улицѣ съ истерическимъ смѣхомъ и кидали знакомымъ безсвязные отвѣты. А неудачницы рыдали тутъ же, не стѣсняясь насмѣшками толпы. Вѣдь къ Рождеству балетная труппа перекочуетъ въ Москву, потомъ за границу... Нильсъ, являясь на репетицію, шелъ всегда черезъ строй поклонницъ. Онѣ мокли подѣ дождемъ у вратъ рая, дожидаясь выхода знаменитости. Когда кончался спектакль, его опять ждала толпа „психопатокъ“. Онѣ бѣжали за автомобилемъ, иногда бросали въ окно цвѣты, которые падали на мостовую и гибли въ грязи. Ему съ утра звонили по телефону, чтобы слышать его голосъ. Надушенные записки и скромныя письма съ просьбой о портретѣ, автографѣ, часто о свиданіи; робкія, восторженныя или дерзкія, привычныя признанія въ любви—всѣ онѣ складывались въ хрустальную вазу, въ гостиной, и валялись въ ней нераспечатанныя, или въ корзинѣ подѣ столомъ разорванныя, недочитанныя, ненужныя... Нильсъ такъ небрежно обращался съ этими посланіями, что даже ревливой женщинѣ не пришло бы въ голову что-нибудь заподозрить.

Но Милочка не ревновала, и не въ ея натурѣ было читать чужія письма. Съ того памятнаго ей дня, когда она почти ребенокъ, окончивъ съ золотой медалью гимназію, къ ужасу огромной и

строгой старовѣрческой родни, по одному слову Лихачева бѣжала изъ родительскаго дома отъ суроваго отца, и невѣнчанная ушла за своимъ избранникомъ въ неизвѣстное, презирая нужду и позоръ,—ни разу съ того дня не пошатнулась ея восторженная вѣра и не ослабѣло ея беззавѣтное чувство. А много было выстрадано. Отецъ, потрясенный скандаломъ, слегъ и не всталъ уже. А умирая проклиналъ любимую дочь. И долго-долго спустя по ночамъ, когда Петечка спалъ, Милочка сползала съ постели и молилась, рыдая и ломая худенькія ручки. Отца она любила больше всего въ мірѣ, пока не встрѣтила Петечку... Неужели нѣтъ прощенья? Неужели мертвые не видятъ нашихъ слезъ?

Ненастный петербургскій день словно придавилъ всѣхъ плотной пеленой тумана. Только два часа, а уже темно.

Милочка зажигаетъ электричество и опять ложится на кушетку. Ее всегда лихорадитъ, и не грѣетъ ее плюшевый капотикъ.

Въ модномъ отелѣ, на углу Невскаго и Мойки, они занимаютъ три номера съ салономъ. Спальня, дѣтская, столовая и салонъ-кабинетъ Нильса. Внизу превосходный ресторанъ. Но они обѣдаютъ дома. Стоитъ эта жизнь страшно дорого. Черезъ мѣсяць весь балетъ переѣдетъ въ Москву, а въ февралѣ за границу.

Милочку безконечно утомляетъ эта кочевая жизнь. Она рѣшила поселиться въ Москвѣ, на квартирѣ, и прожить до лѣта. Страшно тащить крошечную Тасю за границу зимой.

Нильсъ удивительно быстро привыкъ къ богатству и сталъ совсѣмъ большимъ бариномъ. Его широкая натура развернулась „во всю“... Угощаетъ друзей ежедневно въ ресторанѣ, бросаетъ золотые „на чай“, держитъ автомобиль... Требуется, чтобъ Милочка ѣздила на всѣ первыя представленія. И оборони Боже надѣтъ два раза одно и то же платье!.. А ее утомляютъ эти примѣрки, эти выѣзды. Когда онъ принесъ ей (еще въ Америкѣ) бриллиантовое кольцо, она ахнула и назвала его безумнымъ. Но теперь, лежа на кушеткѣ и глядя на блѣдныя ручки, сіяющія въ кольцахъ, Милочка думаетъ, что это вѣрнѣе... хоть что-нибудь останется Тасѣ... Карьера артиста такъ непрочно! Охлаждетъ публика къ балету. Возойдетъ новая звѣзда, въ лучахъ которой померкнетъ слава Нильса... А можетъ случиться и еще худшее. Онъ выходитъ послѣ танца весь въ испаринѣ, трико хоть выжми...

А за кулисами сквознякъ, холодъ въ уборной. Она сейчасъ же обтираетъ все его тѣло губкой, смоченной въ одеколонѣ, и онъ мѣняетъ трико... Но эти вызовы... Сколько риска!.. Какъ легко схватить воспаление легкаго!.. А если Петечка сломаетъ ногу? Что тогда?

Милочка лежитъ съ закрытыми глазами, отбросивъ модный романъ. Свѣтъ электричества играетъ въ изломахъ красиваго плюшеваго капота, въ брилліантовыхъ серьгахъ, въ дорогихъ кольцахъ на блѣдныхъ ручкахъ. А Милочка вспоминаетъ мансарду въ Парижѣ... Какъ она голодала!.. Бывало, проспать Петечка... „Какой тамъ кофе?“ закричитъ онъ на нее. „Иза съѣстъ меня живьемъ. Послѣ урока перекушу чего-нибудь въ *bouillon*“... И Милочка не варитъ кофе. Она доѣдаетъ сухой хлѣбъ. Зеленые круги плывутъ передъ глазами. А надо стирать бѣлье мужа. Потомъ приготовить ему на бензинкѣ скромный обѣдъ въ обрѣзъ, въ обрѣзъ... лишь бы онъ былъ сытъ! И чаю вечеромъ она не пьетъ, если Петечка уходитъ бродить по бульварамъ.

...А когда забеременѣла она Тасей, Боже, какъ было ей тяжело! Но онъ никогда не видалъ ее въ слезахъ. Она всегда улыбалась.

Милочка поправляетъ атласную подушку подъ головой и опять закрываетъ глаза... Бѣгутъ передъ ней картины прошлаго... Вотъ уйдетъ, бывало, Петечка къ Изѣ, на репетицію, или съ товарищами погулять въ семь часовъ, когда развертывается и бьетъ ключомъ уличная жизнь Парижа. А она ляжетъ... Такъ хорошо лежать, свернувшись комочкомъ подъ одѣяломъ, задернувъ шерстяной занавѣсъ огромной кровати. И ни о чемъ не думать, не вспоминать... Въ комнатѣ такъ холодно, такъ темно... Зачѣмъ зажигать лампу? Надо беречь деньги... Но съ темнотой въ холодную комнату вливается печаль и затопляетъ одинокую душу... Она одна во всемъ огромномъ городѣ. Одна во всемъ мірѣ... И слезы бѣгутъ по ея лицу. Но она не ревнуетъ, нѣтъ! Она знаетъ, что онъ любитъ ее. Любить честно и вѣрно. Любить навсегда... Она никогда не упрекаетъ Петечку за то, что всѣ вечера сидитъ одна, лишь бы ему было весело!.. Скажи она хоть слово, онъ остался бы дома. Но жертвъ его ей не надо... Онъ будетъ скучать, ожесточаться. Не можетъ онъ жить безъ людей и развлеченій. Онъ работаетъ, учится. Пусть отдохнетъ!.. И какъ хорошо, отказывая себѣ въ чашкѣ кофе, въ хлѣбѣ, въ кускѣ мяса, скопить ему двадцать су на *vos* пива или бокаль гренадина въ кафе! А ей самой ничего не надо. Будетъ терпѣть и ждать... Ждать ночи, когда онъ обниметъ ее... И даже этого не надо... Пусть только ляжетъ рядомъ и заснетъ!

А она будетъ слушать біеніе его сердца, вшивать его дыханіе. И душа ея будетъ трепетать отъ нѣжности...

...Онъ возвращается. Иногда очень поздно. Но, какъ бы крѣпко ни спала Милочка, она просыпается, когда онъ подходитъ къ воротамъ. Она слышитъ звуки его шаговъ на дворѣ, осторожный скрипъ его штиблетъ на темной лѣстницѣ. Она вскакиваетъ и, дрожа въ одной рубашкѣ, бѣжитъ въ сѣни, чтобы посвѣтить ему.

„— Ты опять не спала?“ съ упрекомъ и смущенно говоритъ онъ, избѣгая ея взгляда.

...Но она радостно смѣется. Онъ здѣсь, съ нею. Ляжетъ сейчасъ и обниметъ ее. И будетъ тепло. И будетъ легко.

...Отъ него пахнетъ виномъ, дешевой пудрой, духами.

„— Гдѣ ты былъ?

„— Въ Moulin-Rouge ходилъ съ товарищемъ. Ты не сердисься?

„— О, нѣтъ. Тебѣ было весело?

„— Такъ себѣ,—отвѣчаетъ онъ. Но она огорчена, и онъ долженъ ей поклясться, что провелъ вечеръ превосходно...

...И онъ такъ нѣжно, такъ смущенно, словно виноватый, такъ осторожно обнимаетъ ее, стараясь не причинить ей боли... Счастливыя минуты!.. Все забыто: одиночество, холодная комната, жуткая тѣма, свинцовыя слезы о томъ, чего не поправишь... Какъ даръ судьбы принимала она его любовь, благодарная за каждый поцѣлуй, въ его любви видя высшую цѣнность жизни...

„— Если-бъ не ты, Милочка, я никогда не сталъ бы Нильсомъ,“ сказалъ онъ ей въ тотъ памятный вечеръ, когда въ гостиной Изы онъ подписалъ контрактъ въ Америку. Онъ взялъ ее тогда за маленькій, упорный подбородокъ (онъ всегда шутилъ говорилъ ей, что въ этотъ подбородокъ и въ линію щекъ ея влюбился при первой встрѣчѣ)... И такъ нѣжно и благодарно поглядѣлъ ей въ глаза... Ахъ эта минута!.. Она вознаградила ее за все!

Теперь не надо ни готовить обѣда, ни стирать бѣлья, ни бегать полѣнья и свѣчи, ни дрожать надъ каждымъ су. Все есть: извѣстность, обезпеченность, покой. И мѣха, и брилліанты, и туалеты... Вотъ только здоровья нѣтъ. Надломилась что ли? Лежать бы съ книгой пѣлый день и ни о чемъ не думать...

Одиночество? О, и здѣсь оно съ нею, неизмѣнное и неотступное! Но почему-то теперь, когда всѣ завидуютъ ей, женѣ талантливаго Нильса, ей самой кажется, что она была счастливѣе въ Парижѣ въ нетопленной комнатѣ, голодная, беременная. Молодость что ли придавала такія силы и мужество? Или жажда пробить дорогу Нильсу,

поддержатъ его въ борьбѣ — такъ напрягала энергію? Вотъ теперь цѣль достигнута. А счастья нѣтъ... Но вѣдь оно было тогда, въ эти ужасные годы. Была жаркая любовь. Были двѣ души. Общія грезы. Робкія мечты и бесѣда шопотомъ. И дерзкіе планы. И горячія молитвы по ночамъ, чтобы эти планы сбылись. Она была повѣреннымъ и другомъ мужа. Его единственнымъ другомъ. Она по часамъ сопровождала его, когда онъ кончалъ курсъ и упражнялся дома. Съ нею онъ совѣтовался, съ нею разучивалъ роли. Съ ея мнѣніемъ считался всегда. У нея такъ много вкуса и врожденнаго чувства мѣры!

Теперь она никогда не видитъ Петечку. Только утромъ за кофе. Потомъ за обѣдомъ. Но и тутъ они не одни. Нильсъ не можетъ безъ гостей. Приводитъ Самойлова или Кана, а иногда обоихъ вмѣстѣ. Охотно заходитъ и Шпильманъ. Всѣ любятъ Нильса. Одинъ художникъ Федотовъ почему-то дуется... Но Богъ съ нимъ! Это какой-то неврастеникъ. Тоску нагоняетъ.

Милочка всегда любезна съ гостями. Она улыбается. Но глаза ея печальны и движенія вялы. Какъ хотѣлось бы хоть съ полчаса посидѣть наединѣ съ мужемъ, вонъ на томъ диванчикѣ, прижавшись къ его груди... обнять его голову...

Лучшіе часы въ театрѣ. Тутъ она ему необходима. Она должна видѣть его игру и дѣлать ему замѣчанія: „Не щади“... настаиваетъ онъ. „Только правду“... И Милочка беспощадна. Она не упустила ни одной мелочи, не простила ни одного промаха... И, Боже мой, какъ онъ сердится и кричитъ! „Что ты понимаешь? Подумаешь, умнѣе меня? Ты дура... Кому нужна твоя критика?“ — „А ты не спрашивай,“ — спокойно возражаетъ она. — „Буду молчать“.

Онъ бѣгаетъ по комнатѣ, рветъ и мечетъ. Она улыбается втихомолку и дѣлаетъ безстрастное лицо.

Черезъ часъ онъ стихаетъ. А еще черезъ часъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, спрашиваетъ: „Значитъ, ты находишь, что этотъ штрихъ невѣренъ?“ И они серьезно начинаютъ обсуждать роль.

Онъ суевѣренъ, какъ всѣ артисты, и убѣжденъ, что Милочка приноситъ ему счастье. Онъ никогда не выйдетъ на сцену въ новой роли, не пожавъ ея руки. Она сама гримируетъ его, помогаетъ ему одѣваться. Во всѣ мелочи закулисной жизни она вноситъ такъ много вниманія и даже... поэзіи... Да, да... Онъ это самъ говорилъ, ей, смѣясь, держа ее за подбородокъ, за этотъ красивый, упорный подбородокъ, дѣйствительно лучшее въ ея лицѣ.

И здѣсь, въ Россіи, Людмила такъ же одинока, какъ была одинока въ Парижѣ и Америкѣ. Мужчины ухаживаютъ за нею. Лестно отбить жену у знаменитости! Но отъ нея вѣетъ такимъ холодомъ, что они скоро отходятъ, разочарованные... Да и Нильсъ безумно ревнивъ и готовъ изъ-за пустяковъ затѣять ссору. Такой чудакъ! Если она посмѣется съ кѣмъ-нибудь, онъ кричитъ ей въ лицо: „Измѣнить собираешься, подлая? Такая же дрянь, какъ и другія... Убью!..“ Весь затрясется, и глаза пылаютъ... А ей смѣшно... Потомъ въ ногахъ валяется, прощенья просить... Богъ съ ними, съ такими сценами! Нельзя портить ему настроенія... Беречь его надо, какъ святыню... Милочка религіозна. Но послѣ Бога нѣтъ для нея ничего въ мірѣ выше таланта Нильса... Этотъ даръ Божій любитъ она даже больше, чѣмъ маленькую Тасю...

А женщины терпѣть не могутъ жену Нильса. Она чувствуетъ ихъ зависть и вражду... Одна Полли... Эта славная. Надо только разглядѣть ея добрую, одинокую, замученную душу подъ цинизмомъ рѣчей и напускнымъ легкомысліемъ. Милочка знаетъ, что мужъ бросилъ артистку съ двумя дѣтьми; и что она бьется какъ рыба о ледъ. Неожиданно какъ-то обѣ женщины разговорились и еще неожиданнѣе расплакались. Полли съ тѣхъ поръ искренно привязалась къ Милочкѣ. Когда Тинская начинаетъ злословить, она всегда вступаетъ за подругу. Часто забѣгаетъ она къ женѣ Нильса погрѣться, пообѣдать, занять деньжонокъ... конечно, безъ отдачи. Вся въ долгу, какъ въ шелку. Но всегда весела, остроумна, цинична. Съ ней легко... Онѣ сошлись на *ты*. Когда нянька сбѣгаетъ или запиваетъ кухарка, Полли приводитъ ребятишекъ къ Милочкѣ на весь день и даже на ночь. Дѣти артистки спятъ съ Тасей. Дѣвочка имъ рада...

Стучать... Милочка открываетъ глаза. Навѣрно Полли...

Такъ и есть. Шуршитъ шелкомъ оборванной юбки. Боконъ влѣзаетъ въ дверь,—шляпа мѣшается. И съ порога уже кричитъ, маша руками:

— А я съ ворохомъ новостей. Прямо съ репетиціи. Дай пожевать чего-нибудь! Фу, мерзость погода... Вся смокла.

Милочка звонитъ и велитъ принести *тепи* и кофе.

— Маглон пріѣхала...

— Знаю, мнѣ мужъ вчера говорилъ...

— Батюшки, какъ они всё тамъ всполошились! Точно съ царицей носятся... Платье на ней! Все сконгсомъ отдѣлано. Настоящимъ... А на шеѣ нитка жемчуга съ горошину величиною... ей-Богу не вру! Тысячъ двадцать стоитъ, не меньше...

— Сорокъ,—поправляетъ Милочка.—Ну, снимай шляпу!

— А на пальцѣ рубинъ съ клюкву... провалиться на мѣстѣ, не вру...

— А хороша она?—тревожно спрашиваетъ Милочка.

— Какъ тебѣ сказать? Глаза хороши... ну, и фигура, конечно... Но какая-жъ она красавица? Я и Петру твоему сказала: „Что же ты набрехалъ? Гдѣ красота ея?“ А онъ облаялъ меня: „Дура—говорить—ты. Она лучше всякой красавицы...“

— Онъ всегда ея восторгался,—тихо говоритъ Милочка, пристально разглядывая свои кольца.

— Вотъ баронъ ея красавецъ, дѣйствительно... Дунька Корovina не соврала...

Она беретъ *тепи* у лакея и заказываетъ два блюда.

— А ты не хочешь развѣ ѣсть?

— Я пила шоколадъ утромъ. У меня нѣтъ аппетита.

Онѣ остаются вдвоемъ.

— Развѣ репетиція кончилась?

— Нѣтъ еще... Но я свое протанцовала, а теперь солисты пусть поработаютъ...

— Ты видѣла, какъ она пляшетъ?

— Ничего особеннаго пока не даетъ. Но въ родѣ твоего Петра цаца... Ей Самойловъ и Шпильманъ осторожно, съ подходцемъ совѣтуютъ: „Нельзя ли такъ, да этакъ?“ А она ни-ни... „Я—говорить—два мѣсяца надъ этой *Сказкой* думала. По-моему—говорить—надо наоборотъ“... Вотъ поглядимъ, что она тамъ надумала...

— А этотъ Штейнбахъ влюбленъ еще въ нее?

— Такъ по пятамъ и ходить... Боже мой! Если бы ты видѣла ея уборную! Вчера, говорятъ, спозаранку самъ заѣзжалъ за работой приглядѣть. Вся въ персидскихъ коврахъ. Мебель какая! Цѣлая зеркальная стѣна. И вся въ цвѣтахъ, точно корзина. Мы съ Дунькой такъ и ахнули... А она даже бровью не повела. Только и спросила его: „Тепло ли будетъ?“

— Да... Она избранница,—съ легкимъ вздохомъ говоритъ Милочка.—А съ Нильсомъ какъ она встрѣтилась?

— Такъ онъ и таеетъ, твой Нильсъ... Руки лижетъ... Да и она съ нимъ совсѣмъ другая... И голосъ и лицо...

— Старые товарищи,—строго перебивает хозяйка.— Вмѣстѣ учились, вмѣстѣ бѣдствовали...

— Ну, конечно... Я же ничего не говорю... Только бѣсить меня твой Петръ... Какъ она пріѣхала, онъ съ нами точно съ горняшками обращаться началъ... Обидно... И ужъ избаловала же ты его, Людмила! Грубъ онъ до нельзя...

— Не я балую. Жизнь,—тихо кидаетъ Милочка.

Полли съ аппетитомъ ѣсть пожарскую котлету. Вбѣгаетъ Тася въ плюшевомъ гранатового цвѣта пальто и такомъ же капорѣ. Бонна, англійская миссъ, поправляетъ локоны на спинѣ дѣвочки.

— Здравствуй, Тасичка!—кричитъ Полли, хватая на руки ребенка.— Поцѣлуй тетю Полю. Гулять идешь? Что это ты собралась въ такую гадкую погоду? Зачѣмъ ты ее выпускаешь?

— Каждый день надо гулять,—безстрастно отвѣчаетъ Милочка.

— Это что-жь? Тоже система твоя? Характерецъ у тебя, однако?

— Не было бы системы, Поля, давно бы мы съ Нильсомъ вылетѣли въ трубу...

Она по-англійски проситъ миссъ зайти въ Гостиный дворъ и купить ей бѣлыя шелковыя перчатки до локтя.

— Заморышъ какой!—глядя вслѣдъ Тасѣ, говоритъ Полли.

— Да... нелегко жилось ей въ дѣтствѣ. Не лучше чѣмъ твоимъ.

— А гдѣ это ты такъ насобачилась по-англійски?

— Два года прожили въ Америкѣ. Какъ только онъ получилъ ангажементъ, я сейчасъ же самоучитель себѣ купила. А ужъ тамъ практика...

— Небось Петръ и по-англійски ни въ зубъ толкануть?.. Охъ, уморушка! Слышала я, какъ онъ по-французски объясняется! Акцентъ-то, акцентъ... Ха!.. Ха! Не оболванить его Парижъ... И еще сердится. „На кой лядъ—говорить—мнѣ эти языки знать? Они меня на гастроли выписываютъ. Пусть они, говорить, сами и разбираются, чтѣ я лопочу... За меня—говорить—импрессарио и жена работаютъ. А мое дѣло танцовать“...

— И вѣрно,—усмѣхается Милочка, берясь за кофейникъ.

— А я возьми да нарочно и зафранцузила при немъ... А онъ глаза вытарачилъ. Что такое? Откуда? А очень просто. Въ институтѣ кончила... Они тамъ, глядя на меня да на мои подола обшарканные, и не подозрѣваютъ, что я помѣщицья дочка, столбового дворянина жена... Видала лучшіе дни... Ну, да что вспоминать... Плевать!

Она съ ногами садится на диванчикъ и вынимаетъ папиросу.

— Курить можно?

— Кури... Охота тебѣ это только? Пей лучше кофе...

— Сейчас старовѣрку видно... Эхъ, Людмила!. Кабы я не курила, я бы пить начала... Въ мою шкуру влѣзть... Я до того доголодалась годъ тому назадъ... Ангажементъ не было... ну, и хватила напатырки... Насилу отходили въ больницѣ.

Милочка садится на кушеткѣ.

— Ты наложила на себя руки?

— Что-жь? Я не вѣрю ни въ чорта, ни въ Бога...

— А дѣти?

— Я такъ порѣшила, что сиротъ не оставляютъ, по пріютамъ разберуть... Дунька меня тогда спасла...

— Кто??

— Дунька Коровина... Подруга моя...

— А, да... помню... Красивая такая... Она добрая?

— Славная дѣвка! Она тогда съ Гаральдомъ жила. Ну, черезъ него и пристроили меня къ *Студию*... Спасибо имъ... А все-таки и теперь не сладко... Ты... Милка... не дашь ли мнѣ рублей тридцать до перваго?.. За квартиру пора платить, а жилецъ тянетъ... Да и въ кассѣ я уже задолжала...

— Дай мнѣ сумочку... вонъ, на письменномъ столѣ...

Полли горячо цѣлуетъ маленькую женщину.

Милочка, отхлебывая изъ своей чашки, говоритъ:

— Гаральдъ интересный... только... какъ могъ онъ любить эту Дуничку? Она совсѣмъ глупенькая...

— А кто тебѣ говоритъ, что онъ ее любилъ? Развѣ мужчины любятъ? Это наша специальность... Онъ ей такія загадки задавалъ: „Существуй такъ,—говорить,—чтобъ не существовать“...

— Что такое??

— Нѣтъ, каковъ гусь!.. Я бы ему за это въ морду плюнула. А она ничего... Терпѣла. Только она, бывало, на людяхъ заговорить, онъ на нее взглянетъ, а она онѣмъеть. Ей-Богу! Какъ собаку выдрессироваль... И все-таки не угодила... Бросилъ...

— Она очень страдала?

— До сихъ поръ забыть его не можетъ. Федотовъ... знаешь? Художникъ нашъ... Богатый... Сколько разъ предлагалъ ей къ нему переѣхать! Обеспечить ее предлагалъ... А она затвердила свое: „Не могу безъ любви!..“ Да и конечно... Прошлый годъ спуталась съ однимъ проходимцемъ... путь его знаетъ, кто онъ такой!.. Семень Николаичъ какой-то... Опять увлеклась. А онъ голъ